

Олег КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук (Москва)

Кенгерлинская конница

Князь Григорий Гагарин. Свидание генерала Клюги фон Клюгену с Шамилем в 1837 г.

На протяжении XIX столетия в составе армии Российской империи существовало несколько специфических воинских формирований из представителей кавказских народов, которые не раз покрывали себя воинской славой на поле брани. Это были самобытные войсковые соединения, кардинально отличавшиеся от регулярной пехоты и кавалерии. Среди них наиболее известными были существовавшие в разные годы кавказско-горские сотни и эскадроны Собственного Его Императорского Величества Конвоя, Закавказский конно-мусульманский полк, Дагестанский конный полк, несшие регулярную службу. Наряду с ними имелись также конно-иррегулярные полки и соединения, создававшиеся в Закавказье на время боевых действий, самой известной из которых являлась Кавказская туземная конная (или «Дикая») дивизия, прославившаяся в годы первой мировой войны 1914-1918 гг. Однако среди всех этих частей и соединений было **одно, ныне незаслуженно забытое, которое даже среди кавказских формирований выделялось своей самобытностью и боевым духом. Речь идет о так называемой «коннице кенгерли»** - специфической во всех отношениях войсковой структуре, созданной после присоединения в 1828 году Нахчыванского ханства к Российской империи и вписавшей славные страницы в боевую летопись Российской империи и азербайджанского народа.

О происхождении этнонима «кенгерли» или «кянгерлы» ученые спорят уже на протяжении двух

веков. Долгое время считалось, что кенгерлинцы пришли в Нахчыванскую область из Туркестана (т.е. Центральной Азии) [8, с. 13], но в наши дни начинает превалировать точка зрения, что это потомки печенегов или огузов, создавших в XIV-XV вв. государство Кара-Коюнлы, а само название племени есть не что иное, как искаженное со временем тюркское название подданных этого государства – каракоюнлы, что буквально на русский переводится как «чернобаранные» [1]. Согласно еще одной версии, слово «кенгерли» образовано от фразы «ганг+эр+эли» (в переводе - «храбрость, геройство») [4]. Как бы там ни было, сам факт наличия этого этнонима свидетельствует о том, что **род или племя «кянгерлы», обособленное от прочего населения Нахчывана, играло исключительную роль в жизни этого края, и с его могуществом должна была считаться любая власть**, как персидская, так и пришедшая к ней на смену российская.

В документах русского военного ведомства конница кянгерлы в качестве самостоятельного формирования впервые упоминается в 1828 году, т.е. через год после фактического вхождения Нахчыванского ханства в состав Российской империи. Она возникла **в форме иррегулярного местного ополчения, составленного по обычаям персидского владения на Южном Кавказе из моафов – особой социальной группы населения, освобожденной от денежных и натуральных податей в шахскую казну, но обязанных за это в военное время воинской службой**. Моафы по своему социально-правовому статусу были ближе к средневековым русским стрельцам, нежели, скажем, к казакам хотя бы тем, что в мирное время основным источником их материального благосостояния были не земледелие, а торговля и ремесло, а также военная добыча и наделение за особые заслуги недвижимостью от имени государства. Как отмечал российский военный историк генерал-лейтенант В.А.Потто, *«обычай европейской войны, отводивший значительное место гуманности по отношению к жителям, не позволял поощрять ни грабежа, ни насилия; моафы не могли также рассчитывать ни на земли, ни на сады, ни на другие благостыни, - и набор милиционеров, не поощряемых никакими благами, казалось бы должен был встретить большие затруднения. Но Паскевич*

думал об этом иначе... Еще в кампанию 1828 года ему удалось собрать ополчение, хотя немногочисленное, но служившее весьма усердно, и он осыпал его наградами. Тщеславие и гордость мусульман, одевших эполеты или увешанных медалями, польщено было настолько, что когда Паскевич в начале 1829 года обнаружил прокламацию о созыве конных татарских полков, мусульмане наперебой просили дозволения записаться в них, стремясь не за добычей, на которую уже и не рассчитывали, а на награды и почести». И.Ф.Паскевич разрешил сформировать «четыре конно-мусульманских полка в составе шести сотен каждый, ... **а в Нахичевани, сверх того, образовать конницу Кянгерлы, – одного из самых воинственных татарских племен, обретающих в области**» [7, с. 168].

Формирование конно-мусульманских частей Отдельного Кавказского корпуса было произведено в кратчайшее по меркам той эпохи время – всего за три месяца. По крайней мере, уже к 16 мая 1829 года русские войска находились на своих сборных пунктах, а 30 мая 3-й конно-мусульманский полк уже прославился в сражении при деревнях Дигуру и Чаборио, в котором его всадники конной атакой прорвали боевые порядки турецкого авангарда под командованием Къяги-бека, «взяли три знамени, заставили неприятеля бросить две пушки, отбили множество вьюков и, наконец, захватили весь лагерь со всем имуществом, снарядами и продовольствием» [7, с. 188]. Очевидно, что достичь такого успеха в деле военного строительства и боевой подготовки было бы невозможно, если бы на то время у русского командования на Кавказе не было возможности призвать под свои знамена значительное число ранее обученных военному делу азербайджанцев – кадров персидской шахской армии.

Современники тех событий вот как описывали организацию, боевой дух и внешний вид чинов ирегулярных частей Отдельного Кавказского корпуса азербайджанского формирования: «Из всех войск особенное внимание обращали на себя четыре конно-мусульманские полка и конница Кянгерлы... Первый полк был составлен весь из коренных жителей Карабага; второй – из жителей Ширванской и Шекинской провинций; третий – из татар грузинских дистанций (борчалинской, казахской и шамсадильской – О.К.); четвертый – из эриванских татар и конница Кянгерлы из особого воинственного племени, обитавшего в Нахичеванской области. Все эти полки сохраняли национальный костюм и отличались друг от друга только суконными звездами, нашитыми на их высоких остроконечных папах: у первого полка они были красные, у второго – белые, у третьего – желтые, у четвертого – голубые и у конницы Кянгерлы – зеленые. Такого же

Медаль «За Турецкую войну. 1828-1829» (серебро)

цвета были полковые знамена, богато украшенные гербами Российской империи. Командовали полками русские офицеры, а сотнями – беки и почетные агалары. В общем полки являли собой превосходный вид: всадники были опрятны и красиво одеты, отлично вооружены и, кроме 3-го полка, сидели на кровных жеребцах карабахской породы. Третий полк, по замечанию Паскевича, отставал от других по наружности, но он уже отличился в сражении и зарекомендовал себя самым лучшим образом» [7, с. 190].

Приведенное свидетельство позволяет сформулировать несколько выводов об особенностях формирования конницы Кянгерлы. Во-первых, она была **образована не по территориальному, как все прочие конно-мусульманские полки, а по этническому или племенному признаку. Во-вторых, конница Кянгерлы никогда не именовалась полком, а потому можно утверждать, что имела особую структуру и порядок управления.** Если конно-мусульманскими полками командовали российские офицеры (1-м – подполковник Усков, 2-м – майор Кувшинников, 3-м – казачий войсковой старшина Мещеринов, 4-м – капитан Эссен), то конницей кянгерлы – полковник Эхсан хан Нахчыванский, этнический азербайджанец, сам из кенгерлинцев.

Обмундирование всадников конницы кянгерлы состояло из рубахи, суконного или войлочного (на зимнее время) бешмета со стоячим воротником темно-синего цвета, расшитого галунами, именуемого на кавказский манер «чохой». Единственным головным убором являлась высокая островерхая шапка с нашитой (у нижних чинов) суконной восьмиконечной звездой зеленого цвета. Обувью в боевой и походной обстановке служили сапоги, на биваке – онучи. Бекам полагались эполеты, наибы и векилы отличались от аскеров и нукеров наличием галунов на воротнике. В зимнее время всем полагалась бурка. Вооружение всадника состояло из ружья, пары пистолетов (чем аскеры очень походили на драгун российской кавалерии) и кинжала. Ни о каком другом холодном оружии у аскеров русские современники не упоминают, а при описании их рукопашных схваток с турками постоянно акцентируют внимание

на том, что они «приняли врага в кинжалы» [7, с. 186].

На протяжении всей кампании 1829 года в Закавказье конница кянгерлы находилась в составе главных сил Отдельного Кавказского корпуса, исполняя роль конвоя главнокомандующего графа И.В.Паскевича и выполняя при этом функции обеспечения связи и охраны тыла. Но это не означало неучастия в боевых действиях. Наоборот, конвой главнокомандующего был последним резер-

туркменчайского мирного договора поставили перед русской администрацией на Кавказе вопрос о том, что делать с ополченческими формированиями дальше. В военно-исторической литературе устоялось мнение, что все они осенью 1829 года были распущены по домам или, как говорили в то время, «обращены в первобытное состояние». Однако это не совсем так. Конно-мусульманские полки и конница кянгерлы, возвратившиеся с войны, послужили основой проекта создания особого Закавказского мусульманского казачьего войска, инициатором которого являлся тот же И.Ф.Паскевич, однако он в силу ряда причин так и не был реализован, хотя определенные шаги в этом направлении российской военной администрацией предпринимались. Причем организационную базу для создания «закавказского мусульманского казачества» должна была составить именно конница кянгерлы.

Собственно, это и не удивительно, поскольку **традиционный уклад жизни племени кянгерлы максимально подходил для этого. Как уже было сказано выше, во времена персидского владычества территория Нахчыванского ханства, населенная представителями множества племен и народов, была отдана на откуп родоплеменной аристократии кянгерлы,** которая, опираясь на своих сородичей, осуществляла административно-полицейский и фискальный контроль. При этом все иное население ханства – некянгерлинцы были фактически лишены права участия в управлении. Для российской администрации в Закавказье было бы великой глупостью отказаться от использования уже готовой военной силы, служба в которой строилась по еще привычному для чиновничьего восприятия образцу полурегулярных казачьих войск. Однако в конце ноября 1830 года началось польское восстание против российского владычества, и Паскевич был отозван с Кавказа на подавление, а впоследствии был назначен наместником в Царстве Польском и занимал эту должность до конца своих дней. Отъезд главного инициатора создания Закавказского мусульманского казачьего войска приостановил реализацию этого проекта. Более того, по его инициативе для поддержания правопорядка в областях Царства Польского из числа азербайджанцев и иных горских народов - ветеранов войны 1828-1829 гг. были сформированы Закавказский конно-мусульманский и Кавказский конно-горский полки, которых изначально предполагалось использовать для организации Закавказского мусульманского казачьего войска. Именно эти полки стали основным местом службы для большинства выходцев из знатных фамилий различных кавказских народов, а поэтому для развертывания нового казачьего войска объективно не нашлось опытного начальствующего состава. **Единствен-**

Князь Г.Г. Гагарин. Сражение при Ахатле 8 мая 1841 г. Холст, масло

вом армии, который пускался в ход в самые критические моменты сражений. Так было и в 3-дневном сражении при Дигуре и Чаборио 2-4 июня, в котором был разгромлен авангард турецких войск на Южном Кавказе под командованием Осман-паши, так было и в бою при Каинлы 19 июня, в котором были разгромлены и рассеяны основные силы Анатолийской армии сераскира Хаджи-Салеха, так было и день спустя, 20 июня, когда российские войска нанесли поражение аръергадру турецкой армии под началом Гагки-паши (Хаки-паши), а сам он был захвачен в плен. В последний раз конница кянгерлы отличилась в бою при Байбурте и в преследовании отступавшего неприятеля 27 сентября 1829 года.

За отличия в сражениях 1829 года все закавказские конно-мусульманские полки, включая конницу кянгерлы, **были награждены 26 октября 1830 года императором Николаем I памятными знаменами, свидетельствующими о том, что за ними верховной властью Российской империи впредь признавались права армейских частей, а не ополчения.** На больших шелковых полотнах этих знамен, сохранивших отличительные цвета полков во время войны (в первом полку – красные, во втором – белые, в третьем – желтые, в четвертом – голубые и в коннице кянгерлы – зеленые), изображен государственный герб, а наверху, в копье, – вензель императора Николая I [9, с. 294].

Завершение боевых действий и подписание

ным исключением в то время оставалась конница кянгерлы, которая в конце 1830-х годов стала официально именоваться Кянгерлинским войском, имела собственного походного атамана в лице Эхсан хана Нахчыванского, произведенного в чин генерал-майора в октябре 1837 года [8, с. 97].

Устройство Кянгерлинского войска достаточно хорошо известно благодаря «Статистическому описанию Нахчыванской провинции», составленному в 1833 году российским акцизным чиновником В.Г.Григорьевым [4]. Согласно этим сведениям, в середине 1830-х гг. войско насчитывало 350 всадников, постоянно готовых к походу, на содержание которых с населения бывшего Нахчыванского ханства собирался специальный налог в сумме 8400 руб. серебром, считая по 24 руб. на одного аскера [3, с. 112; 8, с. 28].

Описание состояния и внешнего вида конницы кянгерлы в первые годы ее нахождения на российской службе достаточно хорошо известно благодаря генерал-адъютанту императора Николая I графу А.Х. Бенкендорфу, который от имени монарха вел путевой дневник, в том числе и во время путешествия по Кавказу в 1837 году. 5 октября на полпути от Гюмри к Эчмиадзину император Николай I и его свита были встречены конницей кянгерлы в торжественном карауле, и описание этой встречи цитировалось неоднократно: *«Я увидел перед собой бесподобную Конницу Кянгерлы в однообразном одеянии и на бесподобных лошадях. Начальник ее Эхсан хан, подскочив ко мне, отрапортовал по-русски, как бы офицер наших регулярных войск»* [9, т. 1, с. 113]. Николай I дал смотр Коннице Кянгерлы (*«...я сделал смотр Коннице Кянгерлы, которая сопровождала меня оттуда до Эривани...»*), что предполагало не только прохождение в парадном строю, но и демонстрацию индивидуального умения владеть холодным оружием, навыков джигитовки и конной выездки, и остался чрезвычайно доволен. Об этом свидетельствует факт награждения всех всадников по итогам смотра специально учрежденными по случаю посещения императором Кавказа серебряными медалями «Кавказ. 1837 год» на черно-красно-черной ленте ордена Св. Владимира, что было для того времени чрезвычайно уникальным явлением. Поименно известны списки 2847 награжденных, из которых 419 человек были кянгерлинцами. Среди награжденных был и 18-летний старший сын Эхсан хана Нахчыванского Келбали хан, для которого эта медаль стала первой из более чем 15 российских и иностранных наград, причём 7 из них были боевыми орденами [3, с. 115].

Императорский смотр 1837 года положил начало регулярной службе команды чинов конницы кянгерлы в составе Закавказского конно-мусульманского полка в Царстве Польском. В соот-

ветствии с Положением о службе этого полка от 2 июня 1835 года срок службы его чинов составлял 4 года, с ротацией каждый два года. Конница кянгерлы в составе полка была представлена полусотней под командованием наиба, а команда ее чинов впервые направилась в полк во вторую ротацию в 1839 году, и **возглавил ее, естественно, 20-летний Исмаил хан Нахчыванский, так начавший свою более чем 60-летнюю службу под знаменами Российской империи** [5, с. 116]. Уже через год, 28 октября 1840 года, «за отличие в службе» во время маневров он был произведен в первый офицерский чин прапорщика и назначен командиром сотни. В составе полка прослужил полтора установленных срока (или три ротации), до 3 марта 1845 года, когда был произведен в чин поручика и возвращен служить в Закавказье. Во время службы в полку он командовал сводной нахчыванско-эриванской сотней, а в состав Отдельного Кавказского корпуса вернулся в связи с болезнью отца Эхсан хана, которого сменил в должности начальника конницы кянгерлы, формально

Теодор Горшельт. Крепость Баязет. 1854 г. Карандаш, бумага

возглавив ее только после его смерти в январе 1846 года с утверждением в должности 19 сентября 1847 года [6, с. 124]. Год спустя он сдал эту должность своему младшему брату Келбали хану, а сам ушел в состав резерва, начав жизнь богатого помещика и став отцом многодетного семейства.

Келбали хан Нахчыванский в отличие от старшего брата начал учебу в Пажеском корпусе, но его не закончил и на военную службу не поступил по причине расстроенного сырым и холодным петербургским климатом здоровья. Вернувшись в родные края, он восстановил здоровье и поступил на службу в конницу кянгерлы, из состава которой в августе 1848 года возглавил команду, участвовавшую в Дагестанской экспедиции против мятежных

Медаль «Кавказ. 1837 год» (серебро)

горцев имама Шамиля и Хаджи-Мурата, главными событиями которой были бои за селения Ахты и Гергебиль. «За отличия в делах против горцев» во время той экспедиции Келбали хан был произведен в прапорщики кавалерии и назначен начальником конницы кянгерлы взамен брата [2, с. 214; 6, с. 98].

В очередной раз в полном составе конница кянгерлы выступила в поход с началом Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг., во время которой она действовала в составе Эриванского отряда русской армии на закавказском театре военных действий под командованием генерал-лейтенанта барона К.К.Врангеля. С 22 апреля по 5 июля кянгерлинцы принимали непосредственное участие в боях в районе Игдыра, Караван Сарая, Оргова, 17 июля – в сражении на Чингильских высотах и последующим занятии Баязета 19 июля. В дальнейшем конница кянгерлы участвовала в действиях в районе Абас-гея, Мысуна, Дутаха, Диадина, Кара-килиса, Алашкерта (Топрак-кала) и т.д. По сути, на протяжении всей кампании 1854 года ее аскеры постоянно находились на передовых позициях, неся основную тяжесть разведывательно-дозорной службы и являясь тем самым «глазами армии». **Оба сына Эхсан хана Нахчыванского – Исмаил хан и Келбали хан были удостоены ордена Св. Георгия 4-й степени:** первый за легендарное 26-дневное «Баязетское сидение», во время которого он исполнял обязанности коменданта крепости, а второй – за конную атаку неприятельской артиллерийской батареи в сражении 17 июля 1854 года на Чингильских высотах, во время которой он, как было указано в наградном формуляре, «собственноручно изрубил несколько артиллеристов и взял с бою одно орудие» [2, с. 219, 224; 5, с. 98, 116; 6, с. 198].

Крымская война стала последней кампанией, в которой конница кянгерлы принимала участие как самостоятельное воинское формирование. По окончании боевых действий, 30 августа 1856 года она была распущена. Эта была общая тенденция в истории существования иррегулярных формирований из числа закавказских народов, и обусловлена она была не военно-техническими, а социальными

причинами. Дело в том, что со временем племенная общность перестала играть определяющую роль в общественных отношениях, а это подорвало социальную основу формирования конницы кянгерлы, как и других подобного рода военных формирований. ❀

Литература:

1. Волкова Н.Г. Этнонимия в трудах экономического обследования Кавказа 1880-х годов // Имя и этнос. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996.
2. Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901.
3. Григорьев В.Г. Статистическое описание Нахичеванской провинции. СПб., 1833.
4. Гусейнзаде А.Р. Следы сказания, легенды Ноя и семантические комментарии // Молодой ученый. 2012, №2, с. 180-181.
5. Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. М., 2005.
6. Нагдалиев Ф.Ф. Ханы Нахичеванские в Российской империи. Москва: Новый аргумент, 2006.
7. Потто В.А. Кавказская война, в 5 томах. Т. 4. Русско-турецкая война 1828-1829 гг. М., 2005.
8. Смирнов К.Н. Материалы по истории и этнографии Нахичеванского края. Баку: Озан, 1999.
9. Тарасов Б.Н. Николай I и его время, в 2-х томах. М., 2000, 2002.

The article uses literary sources to briefly describe the history of the Kangarli cavalry, an irregular cavalry unit formed by residents of the Nakhchivan khanate after it was joined to Russia in 1828. It was part of the Russian army until the Crimean War of 1853-1856. The cavalry unit was comprised of representatives of the Azerbaijani Kangarli tribe, stood out among other regular and irregular units of the Russian army comprised of representatives of Caucasian peoples and was involved in various campaigns, making a great contribution to victories of Russian troops.